

I.

**Преданья старины
глубокой.**

Промышленникъ царскій.

Звенить и поетъ весенній вѣтеръ... На мгновенье затихнетъ, какъ бы духъ переводить, а тамъ снова помчится куда-то, торопясь, захлебываясь... Да мало ли ему хлопотъ и дѣла въ это ясное весеннее утро лѣта отъ сотворенія міра семь тысячъ сто шестьдесятъ осмое!

Надо и стряхнуть прошлогоднюю хвою въ роцѣ, на высокомъ обрывѣ, гдѣ старыя сосны ворчливо скрипятъ въ отвѣтъ на его бурныя, неуклюжія ласки, и заглянуть во все закоулки и расщелины старой, сѣрой башни полуразрушеннаго замка, вздувая перья нахохлившихся филиновъ и сычей, и потрепать развѣшенные на заборахъ сѣти рыбаковъ — бѣлобрысыхъ ливовъ. Надо и подсобить мимолетомъ апрѣльскому солнцу высушить большія лужи на проѣзжей дорогѣ, и покрыть спокойное теченіе широкой Двины-рѣки мелкой рябью, дѣлающей ее схожей съ тѣми шелковыми тканями, что привозятъ въ Москву персидскіе купцы изъ далекаго Индійскаго царства.

Залетѣлъ вѣтеръ и на другой берегъ и такъ закрутилъ въ вихревомъ столбѣ пыль и стружки на корабельной стройкѣ, что плотники и пильщики, вытирая глаза, прервали работу, а ста-

рый мастеръ — тиммерманъ изъ славнаго города Любека разразился всѣми ругательными словами, что узналъ онъ въ долгіе годы трудовой жизни по всѣмъ корабельнымъ пристанищамъ сѣверныхъ морей.

Промчался вѣтеръ и снова застучали топоры, завизжали пилы. Далекo разносится этотъ непривычный стукъ и шумъ по всему маленькому, сонному рыбацкому поселку — Кокенгузену, нынѣ отошедшему подъ высокую руку Московскаго Царя и нареченному, въ память невинно убиеннаго младенца, царевича — Царевичъ - Дмитриевымъ городкомъ.

Любо слышать этотъ шумъ боярину Афанацію Ордыну - Нащокину. Вышелъ на крыльцо, оперся рукой на перила, другой прикрываетъ глаза отъ яркаго солнышка. Всмотривается. Опустилъ руку, улыбнулся, погладилъ широкую бороду. Ладно работаютъ ребята! Четыре, пять... шесть новыхъ реберъ прибавилось на новой большой шнявѣ. А съ другой, что поменьше, вѣтеръ доноситъ обрывки однообразнаго напѣва: «Эхъ разъ! Да еще разъ!...» Бояринъ прищурилъ одинъ глазъ. Надъ палубой медленно приподнимается прямой стволъ — мачта!

— Молодецъ, ей же ей, старый нѣмчура! — бормочетъ бояринъ: — обѣщаль въ середу мачту ставить, анъ ужъ сегодня поспѣлъ! — Довольная улыбка снова заиграла подъ густыми сѣдѣющими усами. Радуетъ боярина, что спорится его любимое дѣло.

— Доколѣ не будетъ на Варяжскомъ морѣ царскихъ судовъ, — думаетъ онъ свою старую думу. — Не сбить спеси со свейскаго короля, не вернуть Русскому царю вотчинъ дѣдичь и отчичь. Вотъ, почитай, два мѣсяца судимъ да рядимъ со свейскими посланцами—а толку нѣтъ! Знаютъ, что по морю путь имъ всегда воленъ — насъ къ нему ни за что подпустить не хотятъ! Нѣтъ! — бояринъ въ сердцахъ ударилъ кулакомъ по периламъ. Не побороть врага безъ судовъ морскихъ!

— А что же Андрюши Альскаго до сихъ поръ не видно? — Мелькнула другая мысль: — Сказывалъ я ему далече не отлучаться и по ту сторону «Трехъ сосенъ» не заходить, какъ у насъ со шведами уговорено. Вечоръ еще долженъ былъ вернуться, анъ нѣтъ его да нѣтъ. Неровенъ часъ — не приключилось ли уже чего съ нимъ? Нѣтъ! Тряхнулъ онъ сѣдѣющей головой: «вѣтеръ не Богъ вѣсть какой крѣпкій, да и кормчій у него бывалый, сызмала къ морю привычный, а на рѣкѣ тѣмъ паче управится! Жаль только, что чужой. Нѣтъ у насъ своихъ, что знали бы морской обычай. Все нѣмцу, либо датчанину кланяйся!

Бояринъ перегнулся черезъ перила.

— Сбѣгай-ка, молодець, на вышку, — крикнулъ онъ, — поспрошай, не видать ли снизвоя паруса, либо судна.

Подремывавшій у воротъ стрѣлецъ встрепе-

нулся, приставилъ къ частоколу тяжелую пищаль, подтянулъ неторопливо, одно за другимъ, голенища высокихъ сапогъ и тронулся было по узкой тропкѣ надъ берегомъ, какъ раздался хриплый звукъ рожка съ вышки.

— Ворочается! — проговорилъ бояринъ. Тревожная складка, залегшая между густыми бровями, разгладилась.

За поворотомъ рѣки показались косые паруса бота, поднимавшагося попутнымъ вѣтромъ по широкому руслу.

Щурясь отъ яркаго солнца, бояринъ вглядывался въ очертанія приближавшагося судна: — Что за чудеса! Андрюша вышелъ одинъ, а сейчасъ, кажись, другое судно за собой на привязи ведетъ. Рыбакамъ попутчикамъ что ли пособить взялся? Или... — у боярина даже духъ захватило: — Ужели... На первомъ же походѣ. Встрѣтилъ шведа... и одинъ на одинъ!

Безконечнымъ казалось время, пока оба судна стали подъ берегомъ, у корабельной стройки. Нетерпѣливо шагая взадъ и впередъ по узкому крыльцу, бояринъ не отрывалъ взгляда отъ бота. Вотъ — спустили на воду яль... сѣли гребцы... отвалили... идутъ, пересѣкая широкую гладь рѣки.

Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ. Въ воротахъ показалась стройная фигура молодого человѣка, быстро направлявшагося къ крыльцу.

— Здравствуй, Андрюша! — крикнулъ бояринъ, спускаясь ему навстрѣчу, — гдѣ пропалъ? Какой доброй вѣстью порадуешь?

Юноша скинулъ шапку и отвѣсилъ низкій поклонъ, коснувшись правой рукой земли.

— Исполать тебѣ, бояринъ Афанасій Лаврентьевичъ, — проговорилъ онъ, вытаскивая какой-то свертокъ, засунутый между зеленымъ бархатнымъ полукафтаною и надѣтой поверхъ него кожаной рыбацкой курткою, — молодцы царева бота «Соколы» бьютъ тебѣ челомъ первымъ вражескимъ знаменемъ, взятымъ въ честномъ бою!

Съ этими словами онъ развернулъ и сложилъ къ ногамъ боярина темно-синій флагъ съ пересѣкавшимъ его большимъ желтымъ крестомъ.

Афанасій Лаврентьевичъ положилъ обѣ руки на плечи молодого человѣка.

— Спасибо! Спасибо тебѣ, Андрюша! Утѣшилъ ты меня старика! Сказывай скорѣе, какъ же было дѣло?!

Сѣрые глаза Альскаго радостно сверкнули.

— Вышли мы, значить, поутру, — началъ онъ, — по твоему указу, дозоромъ пройти по Двинѣ рѣкѣ да заодно и ботъ на ходу попытать. Вѣтеръ крѣпкій, встрѣчный. Шли на веслахъ. Къ полудню вижу — ребята умаялись. Непривычно имъ еще подолгу на веслѣ сидѣть, — вставилъ онъ,

какъ бы извиняясь, — ну, и рѣшилъ я дать имъ передохнуть, пополдничать, да и ворочаться. Къ тому же видно было вдали урочище, что «Тремя соснами» прозывается, и памятовалъ я твой наказъ, дальше него не ходить. Анъ, вдругъ, дозорный вскричалъ, что видитъ судно, къ берегу, у деревушки, причаленное...

— По сю сторону урочища, значить?! — перебилъ его, нахмуясь, бояринъ.

— Вѣстимо, по сю сторону! До урочища, почитай, еще добрыхъ пять, а то и шесть версть оставалось. Вѣдомо мнѣ было, что по уговору твоему со шведами не должно ихъ судамъ по сю сторону ходить, а нашим по ту. Вижу — ратные люди ихніе по берегу рыщутъ, скарбъ всякій изъ домовъ выносятъ, къ берегу скотъ сгоняютъ. Велѣлъ я тутъ кормчему держать къ берегу да окликнуть ихъ по свейски, зачѣмъ де они супротивъ уговору поступаютъ и на царской землѣ народъ обираютъ. Начальникъ ихній отвѣтствовалъ, что онъ де шведскаго военнаго судна капитанъ и окромя своихъ начальниковъ никому отвѣта держать не долженъ, а тѣмъ паче...

Альскій запнулся. Радостно-возбужденное выраженіе исчезло съ его лица. Опустивъ глаза, онъ молча покусывалъ нижнюю губу.

— Въ чемъ же дѣло, Андрияша?! —

— Надсмѣхаться зачалъ онъ, — горячо сорвалось у Альскаго, — что тѣмъ паче, молъ, не ста-

нетъ отвѣта держать невѣдомымъ людямъ... бродягамъ! Велѣлъ я отвѣтить, что не невѣдомые мы бродяги, а Царя Московскаго ратные люди! Шведъ еще пуще сталъ измываться, да такія слова про Свѣтлѣйшаго Государя Алексія Михайловича выговорилъ, что мой старикъ-нѣмецъ и повторять не захотѣлъ, потому де больно соромныя рѣчи онъ ведеть! Не стерпѣлъ я тутъ, бояринъ! Самъ ужъ крикнулъ ему — мой толмачъ и перевестъ не успѣлъ! — что-бы убирался онъ сей же часъ по добру-по здорову, да велѣлъ кормило положить, чтобы сойтись съ нимъ вплотную. Слышу — шведъ что-то крикнулъ по своему. Вижу — люди его, что за нашъ разговоръ по борту стали, пищали на насъ наводятъ... Успѣлъ только крикнуть: «Ложись, ребята!» какъ грохнули всѣ пищали разомъ да пули кругомъ запѣли, что шмели разсерженные. Богъ миловалъ — никого не задѣло, только въ большемъ парусѣ дыръ пять, аль шесть пробило. Старикъ мой какъ навалится на кормило, такъ носъ нашего «Сокола» врѣзался въ ихнюю корму, ажъ доски затрещали! Выхватилъ я саблю: «За мной, ребята, ратники царскіе!» Перескочили на палубу къ нимъ — и пошла потѣха! Шведы пищалей то зарядить не успѣли, побросали ихъ да за пики и сабли схватились... Ну, да гдѣ имъ супротивъ нашихъ топоровъ! — Немало побили, пожалуй, всѣхъ бы положили, да тутъ ихній начальникъ что-то залопоталъ, а мой нѣмецъ кричитъ мнѣ, что сдается онъ и

милости просить. Вижу, и оружіе они побросали. Ну — остановилъ своихъ... Не легко было — больно ужъ осерчали ребята! Перевязали шведовъ да подъ палубу и заперли ихъ. Вотъ и все, бояринъ, — закончилъ онъ, крутя въ рукахъ свою мѣховую шапку.

Прошло нѣсколько минутъ... Поднявъ взглядъ, Альскій увидѣлъ, что бояринъ, обнаживъ голову, уставился неподвижнымъ взоромъ въ далекое, блѣдно-голубое небо. Губы его беззвучно шевелились. Казалось, что онъ забылъ все окружавшее его?

— Не прикажешь-ли, бояринъ, — тихо заговорилъ Альскій, — привести полоненнаго шведа? Можетъ — самъ допросишь его?

— А? Да! — очнулся бояринъ, и на губахъ его заиграла довольная улыбка: — подай его сюда, своего шведа, Андрюша!

На зовъ Альскаго откликнулись голоса за воротами, и во дворѣ появилось четверо вооруженныхъ пиками и бердышами молодцовъ, окружавшихъ плѣннаго. Руки его были скручены за спиной, голова обмотана тряпкой, на которой проступали темно-бурая пятна запекшейся крови. Позади шагаль развалистой, качающейся походкой старикъ шхиперьъ, попыхивая изъ глиняной голландской трубки «дѣвольскимъ зеліемъ». Завидя боярина, онъ выбилъ ее объ каблукъ и спряталъ въ глубокой карманъ своихъ кожаныхъ штановъ.